

УДК 93; 821.161.1.09“1917/1992”

DOI: 10.18324/2224-1833-2020-3-116-122

Образы затопления населенных пунктов водохранилищем ГЭС в литературных текстах советского периода как отражение исторической эпохи

Ю.В. Рябов

Красноярский государственный аграрный университет, пр. Мира, 90, Красноярск, Россия
ryabov.yu@gmail.com

Статья поступила 15.09.2020, принята 17.09.2020

В статье рассматриваются образы затопления населенных пунктов водохранилищем ГЭС в литературных текстах советского периода. Дается краткий обзор произведений, посвященных строительству ГЭС, обосновывается выбор анализируемых текстов. Сквозь призму сценария фильма А. Довженко «Поэма о море» (1958) и повести В. Распутина «Прощание с Матерой» (1976) как ярких представителей разных периодов отечественной истории рассматриваются не только сами исторические события, но и то, как они воспринимались авторами в период создания произведений. В результате делается вывод о разнице в оценке схожих событий, вызванной сменой эпох, и, как следствие, экологического дискурса.

Ключевые слова: подготовка ложа водохранилища; переселение населения; санитарная очистка; Ангарский каскад ГЭС; Днепровский каскад ГЭС; краеведение; Валентин Распутин; Александр Довженко; хронотоп.

Description of flooding the settlements, laid in the reservoir bed of the hydroelectric power plant, in the literary texts of the Soviet period as a reflection of the historical era

Yu.V. Ryabov

Krasnoyarsk State Agrarian University; 90, Prospect Mira, Krasnoyarsk, Russia
ryabov.yu@gmail.com

Received 15.09.2020, accepted 17.09.2020

This article examines the description of flooding the settlements, laid in the reservoir bed of the hydroelectric power plant, in the literary texts of the Soviet period. A brief overview on the works on the construction of hydroelectric power plants is given, the choice of the analyzed texts is substantiated. Through the prism of the script to «The Poem about the Sea», (1958) by A. Dovzhenko and the novel «Farewell to Matyora», (1976) by V. Rasputin, not only the historical events themselves, but also the authors' perception are considered as outstanding samples of different periods of Russian history during the period of creation of these literary works. The conclusion is drawn about the difference in the assessment of similar events, caused by the change of eras, and, as a result, in the assessment of the ecological discourse.

Keywords: preparation of the reservoir bed; resettlement of the population; sanitary cleaning; Angara Hydroelectric Power Station cascade; Dnieper Hydroelectric Power Station cascade; local history; Valentin Rasputin; Alexander Dovzhenko; chronotope.

Тема затопления населенных пунктов в результате строительства гидроэлектростанций стала вновь актуальной в связи с наполнением водохранилища Богучанской ГЭС в 2015 г.

В том же году вышла книга Романа Сенчина «Зона затопления» — роман, интертекстуально связанный с повестью Валентина Распутина «Прощание с Матерой» [1] и также посвященный проблеме переселения коренных жителей сибир-

ских деревень из зоны затопления в новые и непривычные городские условия.

Литературовед, доктор филологических наук Наталья Иванова, говоря о новых писателях, в числе которых и Роман Сенчин, отмечает, что они «договаривают, додумывают, рефлексуют» за веком прошлым и обращаются назад не для отличий, а за поддержкой. Таким образом, одна из самых разрабатываемых современной прозой тер-

риторий — территория «адаптации (литературного века) предыдущего» [2].

В этой связи возникает дополнительный интерес к исследованию литературы советского периода. При этом в каждый исторический отрезок художественное произведение создается во многом сообразно самому времени, неся на себе отпечаток эпохи, становясь ценным историческим источником.

Изучая художественный текст, можно не только извлечь из него сведения о рассказанном в нем историческом событии, но и через применяемые в тексте языковые средства и образы составить более полное представление о периоде, когда текст был создан.

Прежде чем перейти к обоснованию выбора произведений для данного анализа, рассмотрим существующие художественные тексты по заявленной тематике исследования. Тема затопления ложа водохранилищ ГЭС зачастую неотделима от самого процесса строительства гидроэлектростанции. Есть немало художественных произведений, в той или иной степени освещающих эту тему.

Не считая рассказов, очерков и поэзии в альманахе «Ангара», сборника «Это было на Ангаре» и пр., следует отметить ряд значимых текстов: «Страна А-Е» (С.М. Третьяков, 1932); «Энергия» (Ф.В. Гладков, 1933); «Покорение реки» (В.Т. Юрезанский, 1946); «Продолжение легенды» (А.В. Кузнецов, 1957); «Поэма о море» (А.П. Довженко, 1958); «Иркутская история» (А.Н. Арбузов, 1959); «За далью — даль» (конкретнее — глава «На Ангаре») (А.Т. Твардовский, 1960); «Братская ГЭС» (Е.А. Евтушенко, 1965); «Пятая четверть, или Гость падунского Геракла» (Г.П. Михасенко, 1970); «Прощание с Матерой» (В.Г. Распутин, 1976).

Однако большая часть перечисленного описывает по большей части само строительство ГЭС, нежели последующее затопление населенных пунктов и связанные с ним проблемы. Полностью посвящены этой теме только сценарий фильма «Поэма о море» А. Довженко и повесть «Прощание с Матерой» В. Распутина — это обусловило их выбор в качестве предмета анализа данного исследования. Оба произведения посвящены реальным событиям и были созданы в тот же период, в который происходили упомянутые в тексте события.

Нельзя не упомянуть о подготовке писателей к написанию своих произведений и сборе материала для них.

Так, у Александра Довженко «темы и образы <...> рождались всегда после большого и долгого “вживания” в материал» [3, с. 15]. Это подтверждается многочисленными дневниковыми записями, в которых Довженко описывает свои чувства, эмоции и замыслы, возникшие под впечатлением от поездок на площадки строительства

Каховской ГЭС, города-оазиса Новая Каховка, в колхозы, расположенные на берегу будущего моря, и встреч с рабочими стройки, инженерами, учеными, колхозниками. В таких поездках режиссер и создавал наброски сценария для своего будущего фильма. «Это должен быть грандиозный фильм. Все, что есть во мне святого, весь опыт и талант, все мысли и время, и мечты и даже сны — все для него», — писал А. Довженко в дневнике 15 октября 1952 г. [4, с. 653, 654].

При этом Довженко не ограничивался лишь ролью наблюдателя и сборщика материала — он выступал на рабочих собраниях, вносил свои предложения в партийные и государственные организации [1, с. 16], а также написал в 1954 г. две статьи: «О художественном оформлении будущего Каховского моря» и «К вопросу о строительстве новых сел по берегам днепровских водохранилищ и будущего Южного канала» [5], в которых проанализировал опыт строительства Днепровского каскада ГЭС и связанные с ним проблемы, среди которых особо выделил недостатки планирования новых населенных пунктов, создаваемых взамен затопляемых.

По задумке режиссера, фильм должен был сниматься в цвете, для показа на широком экране, который позволил бы передать всю художественную силу грандиозного замысла [4, с. 18]. Однако лично воплотить его в жизнь режиссеру не удалось. Александр Довженко скончался в канун первого дня съемок, оставив после себя готовый сценарий как творческое завещание [1, с. 22]. Снята же фильм жена режиссера — Юлия Солнцева.

Валентин Распутин также собирал материал для «Прощания с Матерой». Следует отметить, что тема затопления деревни водохранилищем ГЭС поднималась в новой повести не впервые. В 1972 г. им был написан во многом автобиографический очерк «Вниз и вверх по течению». В центре повествования молодой писатель Виктор, едущий на теплоходе в родные места, которые утратили свой облик вместе с затоплением.

В разговоре с автором одной из будущих книгобиографий В. Распутин рассказывал, что своими глазами наблюдал все происходящее во время строительства ГЭС и подготовки ложа водохранилища, автору оставалось только осмыслить увиденное. В свое время и родная деревня писателя попала под затопление и переселение — эту трагедию он считал знаком времени [6, с. 210].

Автор биографии считает, что «автор не искал для своего произведения каких-то особых героев, он просто вошел в первый, и второй, и третий дом родной деревни и рассказал о том, что увидел...».

Однако известно, что в 1974 г. В. Распутин приезжал в населенные пункты зоны затопления Усть-Илимской ГЭС, где у него и зародилась идея

«Прощания с Матерой». Вспоминает илимский краевед А.С. Бубнов, занимавший при строительстве Усть-Илимской ГЭС должность начальника районного отдела по подготовке водохранилища: «Встречался Валентин Григорьевич и со мной, пытал часа два-три. Показалось, что искал негатив. Но у нас были лишь отдельные неприятные моменты. <...> Ведь собрания с народом проводили еще задолго до принятия решения о затоплении» [7, с. 5].

В отличие от Довженко, Распутин не давал указаний и рекомендаций по переносу, строительству на новых местах и прочему. Главной его целью было силой своего творчества защитить ангарские деревни с их вековым традиционным укладом.

Повесть была опубликована в журнале «Наш современник» № 10 в 1976 г. Судьба экранизации «Прощания с Матерой» имеет трагическое сходство с «Поэмой о море». Режиссер Лариса Шепитько, задумавшая и начавшая фильм, трагически погибла на раннем этапе съемок. Продолжил и в 1981 г. завершил работу ее муж — режиссер Элем Климов, который также заменил первое название картины «Матера» на «Прощание».

В основу произведений А. Довженко и В. Распутина легли конкретные события, связанные с возведением ГЭС и сопутствующими ему событиями.

Хронотоп произведений разный: в «Поэме о море» это 1950-е гг., безмянное село, попадающее в зону затопления строящейся Каховской ГЭС, в «Прощании с Матерой» — 1970-е гг., островная деревня Матера, попадающая в зону затопления безмянной ГЭС на Ангаре (по косвенным признакам можно предположить, что речь идет об Усть-Илимской ГЭС).

Отметим, что в «Поэме о море» село остается безмянным, что подчеркивает его место в ряду множества подобных населенных пунктов, в «Прощании с Матерой» же в самом названии заложен образ острова-деревни как матери-Земли, матери-Родины и материка, окруженного со всех сторон «океаном» — как буквальным в виде реки, так и метафизическим, «космическим океаном» [8, с. 12], и являющего собой не что иное, как своеобразный микрокосм, модель мира — как деревенского в частности, так и человеческого в целом.

Таким образом, распутинская Матера оказывается замкнутой внутри себя, в то время как безмянное село в «Поэме о море» не изолировано — оно находится в неразрывной связи с новым строящимся поселком, куда переезжают переселенцы, и с другими точками, откуда в село прибывают персонажи, чтобы попрощаться с ним перед тем, как оно навсегда уйдет на дно.

Идеи у произведений также различные: «Поэма о море» являет собой гимн трудовому украинскому и советскому народу с его великими свер-

шениями, в то время как «Прощание с Матерой» выявляет «тупик преобразовательской деятельности в отношении природы, памяти и культурной традиции», обозначая при этом «религиозно-эсхатологическое измерение проблемы» [9, с. 88].

Из этих различий прямо следует разница в смыслах и образах одинаковых, в сущности, действий, прямо вытекающих из процедуры подготовки ложа водохранилища к наполнению: лесочистка, санитарная очистка, перенос домов и переселение населения на новые площадки. Однако в изображении некоторых этапов подготовки зоны затопления можно обнаружить и сходства у обоих произведений. Порядок реальных действий при подготовке водохранилища лег и в основу структуры данного анализа.

Согласно нормативным документам, определяющим порядок действий по лесочистке и санитарной очистке, предписывалось очистить ложе от деревьев и кустарников, а приусадебные участки — от неподлежащих переносу зеленых насаждений [10, с. 11].

Так, в «Поэме о море» одному из героев — генералу Федорченко — отец, уже вырубивший сад, предлагает собственноручно срубить старую грушу во дворе родной хаты: «Вот дерево, которое ты любил <...> Рубай сам. <...> Генерал берет топор. Как скрыть волнение? Старик плотник смотрит на грушу, под которой прожил он всю жизнь. — Красавица... — Ох, батько... — тихо вздыхает генерал, чувствуя, что неожиданно простые “вещи могут оказаться непростыми”» [4, с. 306]. Однако в ходе разговора дерево было решено оставить нетронутым, подчеркнув, однако: «Что наша грушка, и хаты, и красота, когда время пришло решать здесь жизнь страны на тысячи лет!».

В «Прощании с Матерой» таким деревом становится «царский листвен» — колоссальных размеров лиственница со срезанной молнией верхушкой, ствол которой по прочности практически уподобился камню [11, с. 94].

При этом распутинский «листвен» не просто дорог чьему-то сердцу как память, более того: «Неизвестно, с каких пор жило поверье, что как раз им, “царским лиственем”, крепится остров к речному дну, одной общей земле, и покуда стоять будет он, будет стоять и Матера». Таким образом, «царский листвен» являет собой мифологему Мирового Древа и *axis mundi* Матеры во всем многообразии ее смыслов. Другие исследователи творчества В. Распутина добавляют, что срезанная верхушка дерева символизирует отсутствие движения вверх и «соответствует духу эсхатологической неизбежности гибели острова, тому, что нет у Матеры будущего» [12, с. 149].

Попытки уничтожить «царский листвен» оказались бесплодными — его не взяли ни пилы, ни

огонь: «Мужики ругались. А дерево спокойно и величественно возвышалось над ними, не признавая никакой силы, кроме своей собственной» [11, с. 96].

Интересны и образы официальных лиц, ответственных за подготовку ложа водохранилища и переселение населения. Как правило, это были члены исполнительного комитета городских, сельских или поселковых Советов, а также прочие руководящие работники — выезжая на места, они проводили разъяснительную работу, зачастую персонально с каждым переселенцем. Формы проведения разъяснительных работ были разными — так, при подготовке ложа водохранилища Братской ГЭС были организованы вечера «вопросов и ответов», которые проводились во всех населенных пунктах, подлежащих переселению [13, с. 2].

В «Поэме о море» такой работой занимаются председатель колхоза Савва Зарудный, директор стройки Аристархов и прораб Валерий Голик.

Зарудный лично телеграммами вызывает бывших односельчан, чтобы они смогли попрощаться с родным селом, и произносит перед ними вдохновенную речь: «Будет, товарищи, море, да. Будет море, и наше село уйдет навеки под воду. Вот тут, где родились наши предки и мы с вами, где мы росли, любили, плакали и веселились, будет морское дно. Где матери наши еще дивчатами складывали песни... да... будет дно морское» [4, с. 299, 300].

Совсем не таков прораб Голик — «красавец с мозгом инженера и совестью клопа» [4, с. 19]. Не сумев угрозами добиться от крестьянина-переселенца согласия на снос хаты и переезд на новую площадку, в отчаянии звонит директору стройки Аристархову, у которого обнаруживается свой подход к делу: «Не умеете говорить с народом. Народ ведь наш умный! Надо разумно говорить. Ты, очевидно, кричишь там, как дурак. Пугаешь!» [4, с. 322].

Самому же старику-переселенцу достаточно было простого внимания: «А вы улыбнитесь. Не <...> Скажите мне: здравствуйте <...> Поздравьте меня с праздником рождения нового моря» [4, с. 316]. Однако, как мы увидели, в «Поэме о море» сострадательные официальные лица все же есть.

В «Прощании с Матерой» представителем власти оказывается председатель сельсовета Воронцов, которого мало заботят судьба деревни и чувства ее жителей. Главное для него — отчитаться о приемке перед государственной комиссией. По сути, Воронцов — типичный партократ с соответствующим лексиконом, составленным из клише постановлений и предписаний: «Ти-ше! <...> Будем понимать положение или что будем?... <...> Понятно вам? Положено. <...> Слушать будем или что будем?» [11, с. 15]. На другом собрании «Воронцов, завернутый в плащ-палатку, ничего не видел и не слышал,

он толковал свое» [11, с. 65]. Одинокому старику Богодулу Воронцов откровенно угрожает: «Ты смотри... как тебя? <...> Я могу и участкового вызвать. У меня это недолго. Я с тобой, с элементом, политику разводить не очень» [4, с. 100]. Такими же бесчувственными и безнравственными людьми показана и бригада «пожогщиков», прибывшая на Матеру для подготовки ее к затоплению и страшаящая местных жителей одним лишь фактом своей разрушительной работы.

К сожалению, во вселенной «Прощания с Матерой» понимающего человека «от власти» не нашлось. Даже ответственный за часть работ по подготовке Матеры к затоплению — бригадир Павел Пинигин, будучи ее коренным жителем, понимая и разделяя всю боль односельчан, зачастую не может справиться с эмоциями и словами, пытаясь заглушить боль собственную, множимую возложенным на него бременем уничтожения родной деревни.

Также неотъемлемой частью подготовки ложа водохранилища к эксплуатации является перенос строений и переселение населения из зоны затопления.

Неоспоримым фактом является то, что для многих жителей затопляемых населенных пунктов этот этап оказался самым тяжелым испытанием. И в самом деле, покинуть или уничтожить родной дом, который строили твои предки, в котором прошло твое детство, юность, а то и большая часть жизни, оторваться от своих истоков, выходя навстречу пугающей неизвестности, было бесконечно трудно.

В «Поэме о море» есть несколько таких сцен.

Вот член правления Иван Кравчина собственными силами разбирает свою старую хату, помогает ему жена. «И по мере того как разваливал он убогую соломенную крышу, <...> им стала овладевать печаль. <...> Так мы порой бывали когда-то печальны, прощаясь со скорбящей матерью перед дальней дорогой в поисках счастья. Скорее бы, скорее оторваться, скорее в новый мир». Вырванные из хаты наличники дверей и окон придают ей трагический вид, схожий с античной маской [4, с. 308].

Другой житель села, пожилой Бесараб Филон, разрушает «свою старую хату старательно и как будто даже весело, он, как это ни странно, не верит в затопление. Если даже и допустить, что море действительно когда-то возникнет, его усадьба все равно останется нетронутой, о чем он всем уже заявлял неоднократно» [4, с. 314]. Его дело завершает «веселый, с приветливой улыбкой» бульдозерист, готовый по команде снести остатки хаты. Филон не выдерживает, «отворачивается и закрывает левой широкой ладонью глаза». Когда дом рушится, остается только «странно белая печь, словно застигнутая врасплох немолодая обнажен-

ная вдова. Но вот и “вдова” валится и стирается с лица земли. Филон оглядывается. Пусто. Хаты нет. Все как во сне».

Сам А. Довженко, работая над сценарием, при наблюдении за переселенцами сделал дневниковую заметку, которую в контексте исследования видится уместным привести полностью: «Как покидать хату. Можно оставлять ее весело, уйдя прочь с пустым сердцем. Можно плюнуть на ее убогие окна и стреху старую и, повернувшись лицом к кинохроникарам, бодро улыбнуться, направляясь легким шагом к счастливой зажиточной жизни. Можно и вообще не покидать хаты, а притворившись неверующим в то, что вода может затопить твою хату навеки всю как есть — с трубой, и с грушей, и с шелковицей, и орехом, сидеть и смешить людей до тех пор, пока не придет наконец вода. Но можно и плакать, покидая старую свою хату. А старенькая мать может тихонько целовать печь, возле которой трудилась она полстолетия, и косяки, и двери, и даже стены, и, плача, тихо-тихо приговаривать: “Ох, хатушка, моя голубушка, покидаю тебя. Пойдешь ты на дно моря, покроют тебя воды навеки, а я пойду себе на гору высокую и уже с горы буду смотреть на ту воду до самой смерти, вспоминая тебя. Спасибо тебе, что грела нас, что давала нам приют и сон, и отцам и дедам нашим. И могилы их покидаю я, хатушка моя. Так суждено мне новой судьбой моей. Прощай”» [4, с. 614, 615].

У В. Распутина прощание с родными избами описано подробнее, с большим количеством бытовых деталей, описанием мыслей переселенцев от их лица, что заставляет читателя сильнее сопереживать героям и воспринимать происходящее как по-настоящему нелегкое.

Так, старики Настасья и Егор как могли оттягивали переезд, но в назначенный срок, собрав вещи и подготовив избу, решаются на переселение. При этом бывший дом становится как будто неродным, теряя уют и защиту — «кругом пусто, голо, отказно» [11, с. 33]. Чтобы вернуть уют, Настасья напоследок топит печь и греет самовар, но ритуал не срабатывает: «чай вышел скорый, без удовольствия».

Показательна сцена, в которой Настасья не знает, куда деть ключ от замка, на который она заперла родную избу: «— Егор, ключ куды? — В Ангару, — сплюнул дед Егор» [11, с. 36]. Некоторые исследователи усматривают в образе Ангары из повести границу между жизнью и смертью, а самих жителей Матеры и других переселенцев из зоны затопления в городе называют «утопленниками» [14, с. 158]. При этом аналог такого прозвища из «Поэмы о море» — «затопленец» — несет менее отрицательную коннотацию.

Другой переселенец, «беспутный» Петруха, в

стихийном порыве сам сжигает свою избу, якобы проданную ранее музею как памятник русского деревянного зодчества. Автор подробно описывает, как огонь постепенно уничтожает избу, переходя на надворные постройки, и как в немом иступленном бессилии смотрят на пожар жители села: «завороженные и подавленные страшной силой огня» [11, с. 39], словно видя в этой сцене и свою скорую участь. Тема уничтожающего огня и пожара особым звучанием проходит сквозь повесть. В какой-то момент от дыма на Матере никуда не спрятаться — дым отечества становится невыносимо горек. Напротив, тема огня практически отсутствует в «Поэме о море» — в силу особенностей жилищ (мазанок и саманных построек) уборка производится путем простого разрушения экскаваторами.

Но ключевой сценой повести В. Распутина, вне сомнений, является ритуал прощания главной героини — старухи Дарьи со своей родной избой. В образе Дарьи исследователи прослеживают архетип «мудрой старухи» — носительницы и хранительницы сакрального знания в виде обрядов, ритуалов, чувствующей саму жизнь [12, с. 150]. Не найдя на родительских могилах ответа о смысле и цели жизни, но дойдя до истины «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни», Дарья решает хотя бы правильно проститься с родной землей, домом и могилами. Для чего устраивает обряд прощания с избой, который, по сути своей, является отражением подготовки покойника к погребению и проводам в иной мир. Дарья «обмывает» избу, белит печь (еще один символ деревенского традиционного бытования), украшает дом луговыми травами, «наряжает» в половики и занавески. Как завершающий этап подготовительного ритуала, Дарья развешивает по углам избы пихтовый лапник: «От пихты тотчас повеяло печальным курением последнего прощания, вспомнились горящие свечи, сладкое заунывное пение. И вся изба сразу приняла скорбный и отрешенный, застывший лик» [11, с. 101]. Затем, в полной тишине, Дарья «творит молитву» — «виновато и смиренно прощаясь с избой, и чудилось ей, что слова ее что-то подхватывает и, повторяя, уносит вдаль».

В конечном итоге, вся Матера и оказывается своего рода островом мертвых [15, с. 318].

Темы смерти и погребальных обрядов позже получают у В. Распутина свое дальнейшее продолжение и развитие [16; 17].

Острая тема переноса кладбищ из зоны затопления в «Поэме о море» практически не затронута, разве что в финальной сцене затопления упоминаются покрытые водой «старые кресты на дедовских кладбищах» [4, с. 362]. В «Прощании с Матерой» тема ограничивается лишь стычками

жителей деревни с «пожогщиками», проводящими очистку кладбища от надгробных знаков, обелисков, оградок — согласно инструкциям, деревянные сжигались, металлические вывозились за пределы зоны затопления [18]. Также старуха Дарья просит своего внука Андрея перенести могилы своих близких, но в силу обстоятельств могилы остаются не перенесенными, что еще раз говорит нам о проблеме разрыва со своими корнями — судьбой уготовано Дарье быть похороненной отдельно от родных, в чужой ей земле.

В реальности, многие жители затопляемых населенных пунктов в целом адекватно реагировали на необходимость переноса кладбищ, нередко жители сами переносили могилы родственников из зоны затопления. В таких случаях районный отдел по подготовке водохранилища старался оказывать содействие, выделяя незначительные суммы на компенсацию затрат на перезахоронение, а санитарные врачи разъясняли меры безопасности при проведении данных работ [19, с. 294].

После переселения жителям предстояла адаптация к жизни на новом месте — кому-то в силу разных обстоятельств не удавалось перенести свой дом на новую площадку, и нередко заселение проводилось в дома, построенные по типовому проекту.

Здесь оба произведения практически единодушны в своем недовольстве типовой застройкой.

В «Поэме о море» об этом говорит старый плотник Максим Федорченко в диалоге с председателем колхоза, выражая свое недовольство строящимся новым селом и Домом культуры: «<...> Кто распорядился строить хаты в ряд, по шнурку? Хаты, смирно! Равнение на бюрократа! — Это Главсельстрой план спустил. — <...> Дайте мне другой Главсельстрой! Я не желаю строить село по шнурку. <...> Потому что я мастер. <...> Я не желаю коммунизм на Днепре вытягивать по шнурку».

Далее раздосадованный плотник требует привезти в новое село Академию архитектуры, чтобы те воочию увидели недостатки нового поселка, и далее завершает мысль: «Академики... Почему в столицах можно золотить купола и кресты? А церковь, которую строил мой дед — уничтожили. <...> Погубили труд моего предка! Ни гордости, ни уважения...» [4, с. 302].

В повести В. Распутина в качестве новой площадки для переселения выступает безымянный поселок, в который переезжает один из главных героев — Павел Пинигин. Ему также неуютно от несуразной планировки «домик к домику, линейка к линейке». На улицах поселка «просторно и голо — ни единого палисадничка, ни деревца». <...> Это не Матера» [11, с. 108]. Думая о матери — старухе Дарье, он понимал, что «матери здесь не привыкнуть <...> Для нее это чужой рай.

Привезут ее — забьется в закуток и не вылезет, пока окончательно не засохнет. Ей эти перемены не по силам» [11, с. 44].

Эти слова отражают нелегкий процесс адаптации из-за разницы жизни в городе и деревне. Переехав в город, сельский житель был вынужден вырабатывать совсем иные шаблоны поведения, чем те, которыми он обладал на прежнем месте. Менялся при переезде и сам ритм жизни, и отношения с новыми соседями, их различными производственными интересами, своей системой домашнего хозяйства.

При этом многим переселенцам удавалось не только прижиться на новом месте, но и поддерживать связи с бывшими односельчанами, сохраняя свою идентичность.

Нельзя обойти вниманием и образ создаваемого водохранилища как нового моря.

В «Поэме о море» будущее водохранилище воспринимается не как конец роду и памяти, напротив — продолжением памяти о предках и памятью новой, которой будут помнить народ благодарные потомки. Герои постоянно подбадривают себя и окружающих призывами думать о новом море: «разрушение — ведь тоже строительство, ты тоже строишь море», «это наше рабочекрестьянское человеческое море», «мы утопим в нем свою жалость и сожаление», водохранилище называют даже «великим» [4, с. 646, 647].

Завершающие строки сценария разворачивают перед нами такой образ: «Родилось море, глубокое, сверкающее. Вид его прекрасен. Впечатление вечности от земли и неба. Но оно новое, и его гордая новизна волнует, как революция, требующая и указующая. Все зовет к действию» [4, с. 362].

Для распутинской Матеры же затопление — настоящий «край света» [11, с. 7]. Затопление предстает не только концом для Матеры как физического острова и деревни, но и концом традиционного деревенского уклада, традиции вообще, а вместе с ней и памяти, и непрерывности жизни — «земля, которая казалась вечной, но выходит, что казалась, — не будет земли» [11, с. 60].

В этой гибели под волнами можно усмотреть и мотивы Великого потопа [20, с. 87], и града Китежа, и Атлантиды [21, с. 50].

Рассмотрев оба текста, мы, при всей общности описываемых событий, во многом можем увидеть столкновение двух эпох и культур, двух разных по своей сути ментальностей и идей. А. Довженко посвятил «Поэму о море» подвигу людей труда, сделав это со всей своей искренней любовью и патетикой, во вмешательстве человека в природу он увидел «новую великую красоту», а коммуниста наделил званием «творца жизни», «хозяина земли и ее умного врачевателя» [4, с. 625]. Словами одного из персонажей он выражает основную мысль:

«Я бессмертный, счастливый человек, и то, что я чувствую, и то, что я делаю, — прекрасно...» [4, с. 272]. В сценарии практически каждый герой знает, что он делает и во имя какой цели, а у автора четко присутствует картина светлого будущего, полного новых побед и свершений.

В «Прощании с Матерой» редкий герой на самом деле отдает себе отчет в том, что и зачем он делает, ради чего живет. Молодой парень Андрей, рвущийся на строительство ГЭС, ограничивается лишь общими фразами, звучащими искаженным эхо старых лозунгов: «охота туда, на передний, как говорится, край», «это в масштабе, значит, всей страны, там, может, от этой стройки много чего другого зависит», «хочу, чтоб было видно мою работу». Председатель поссовета Воронцов также не может найти нужных слов для переселенцев и т. д. Все говорит нам о распаде, утрате своих корней, прошлого, а значит, истории.

У «деревенской прозы», к которой принадлежало и творчество В. Распутина, собственного об-

раза позитивного будущего не было [9, с. 90]. Его место заняли рефлексия по поводу утраты собственной идентичности, вера в якобы существовавшие в прошлом состояния экологического равновесия [9, с. 91], а также мифологизация крестьянских практик адаптации к природным и социальным условиям. В конечном счете, все это привело к созданию и культивированию образа неких «заповедных» пространств с сохранившимися традициями как утраченного идеала гармонии с природой.

В целом тема затопления населенных пунктов требует дальнейшего изучения и анализа, в том числе в литературе, кинематографе, поэзии и т. д. Все это поможет извлечь опыт и знания, необходимые для более полного понимания исторических и социокультурных процессов. И, быть может, ученым, писателям и другим людям творчества удастся найти новые формы и ответы, которых, безусловно, требует новое время.

Литература

1. Голикова А.В. «Прощание с Матерой» В.Г. Распутина как пре-текст «Зоны затопления» Р.В. Сенчина // LITTEA TERRA: материалы VI Междунар. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2017. С. 22-28.
2. Иванова Н. Трудно первые десять лет // Журнальный зал. 2010. URL: <https://magazines.gorky.media/znania/2010/1/trudno-pervye-desyat-let.html> (дата обращения: 14.09.2020).
3. Писаревский Д.С. Александр Довженко и его «Поэма о море». М.: «Знание», 1959. 33 с.
4. Довженко А.П. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: «Искусство», 1968. Т. 3. 772 с.
5. Довженко А.П. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: «Искусство», 1969. Т. 4. 544 с.
6. Румянцев А. Валентин Распутин. М.: «Молодая гвардия», 2016. 447 с.
7. Слепнев Б. Жили-были люди на дне усть-илимского моря // Копейка. 2005. № 22. URL: <http://baik-info.ru/kopeika/2005/22/006001.html> (дата обращения: 14.09.2020).
8. Селезнёв Ю. О прозе Валентина Распутина последних лет // Роман-газета. 1984. № 17. С. 77-79.
9. Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: «Новое литературное обозрение», 2015. 616 с.
10. Вдовин А.В. Подготовка ложа водохранилищ при строительстве гидроэлектростанций. М., Л.: «Госэнергоиздат», 1955. 68 с.
11. Распутин В.Г. Прощание с Матерой. Пожар: сб. М.: «АСТ», 2018. 320 с.
12. Ломакина Е.В. Мифопоэтика как инструмент фундаментального постижения действительности в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» // Научные труды магистрантов, аспирантов и соискателей Нижегородского гос. ун-та. 2015. Вып. 12. С. 146-154.
13. Трусов А. Переселению населения — зеленую улицу // Красное знамя. 1960. № 44. С. 2-3.
14. Галимова Е.Ш. Архетипический образ реки в прозе Валентина Распутина // Дискуссия. 2012. № 5 (23). С. 156-161.
15. Бражников И.Л. Живые и мертвые. Эсхатологические мотивы и мифопоэтика повести В. Распутина «Прощание с Матерой» // Преподаватель. XXI век. 2009. № 4. С. 317-322.
16. Ковтун Н.В., Степанова В.А. Трансформация погребального обряда в поздних рассказах В. Распутина // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2015. Т. 4. № 2 (62). С. 144-151.
17. Степанова В.А. Трансформация моральных мотивов в поздней прозе В. Распутина // Сибирский филологический журн. 2016. № 1. С. 77-84.
18. Архивный отдел администрации г. Братска. Ф. 48. Оп. 2. Д. 13. Л. 293.
19. Бубнов А.С. Илимская пашня: время перемен. Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская обл. тип. № 1», 2002. 420 с.
20. Степанова В.А. Тема цивилизационных преобразований в прозе В. Распутина // Вестн. Омского гос. педагогического ун-та. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 86-90.
21. Бражников И.Л. Эсхатологический хронотоп в повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой» // Творчество В. Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи. 2012. С. 48-69.